

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

Власенко В. М. (Суми, Україна), канд. іст. наук;
Звагельський В. Б. (Суми, Україна), канд. філол. наук;
Камберова Р. (Софія, Болгарія), канд. філол. наук;
Куліш А. М. (Суми, Україна), д-р юрид. наук;
Нестеренко В. А. (Суми, Україна), канд. іст. наук;
Світайло Н. Д. (Суми, Україна), канд. філософ. наук;
Пашин В. П. (Курськ, Росія), д-р іст. наук;
Петрищева Н. С. (Курськ, Росія), канд. іст. наук;
Рамач Я. (Новий Сад, Сербія), д-р іст. наук;
Хлопова І. Є. (Курськ, Росія), канд. іст. наук.

Видання рекомендовано до друку рішенням вченої ради юридичного факультету Сумського державного університету (протокол № 9 від 03.04.2014 р.)

Особистість, суспільство, держава: проблеми минулого і сьогодення : зб. матер. Міжнар. наук.-практ. конф. : у 2-х част. Ч. 2 : у 2-х томах (Суми – Курськ, 18 квітня 2014 р.) / ред. колегія : В. М. Власенко, В. Б. Звагельський, Р. Камберова та ін. – Суми – Курськ : Сумський державний університет, Південно-Західний державний університет, 2014. – Ч. 2, Т. 1. – 200 с.

До збірника увійшли наукові статті та повідомлення викладачів, студентів, вчених та аспірантів ВНЗ і наукових установ, виголошені в рамках Міжнародної науково-практичної конференції «Особистість, суспільство, держава: проблеми минулого і сьогодення» (Посвідчення УкрІНТЕІ № 861 від 9 грудня 2013 р.), присвячені актуальним питанням суспільно-гуманітарних наук.

На обкладинці: Перший у світі монументальний пам'ятник Тарасу Шевченку. Встановлений у жовтні 1918 р. у м. Ромнах на Сумщині. Скульптор І. П. Кавалерідзе.

© Сумський державний університет, 2014

© Південно-Західний державний університет, 2014

7. *Ченцов В.* Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920-1930-е годы / В.Ченцов. – М.: «Готика», 1998. – 208 с.
8. *Герман А.* Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. Ч.2. Автономная республика. 1924-1941 / А.Герман. – Саратов, 1994.
9. Центральный державний архів громадських об'єднань України (далі – ЦДАГО України), ф.1, оп.16, спр.11.
10. ЦДАГО України, ф.1, оп.16, спр.12.
11. Там само, оп.1, спр.526.
12. Там само, спр.517.

ХЛЫНИНА Т.П.

ИСТОРИЯ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: МЕЖДУ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКОЙ

Претензий к нынешнему состоянию исторического знания и его участию в жизни современного общества накопилось превеликое множество. Претензии высказываются как самим обществом, утратившим веру в моральную безгрешность и объективность суждений историков о прошлом, так и историками, переживающими очередную волну эпистемологической рефлексии и все более осознающими ограниченность собственных возможностей в постижении минувшей реальности. Подобному положению дел во многом способствовало и занимаемое социальными науками место в обществе, согласно которому они подчинялись *«задачам социального преобразования действительности»* [1, с.8]. В данной связи следует отметить, что в определении местоположения исторической науки в отечественной интеллектуальной традиции до сих пор отсутствует ясность. Ее относят к социальным, гуманитарным и социально-гуманитарным наукам. При этом противопоставление социальных и гуманитарных наук сохраняется только в англосаксонской интеллектуальной традиции, рассматривающей гуманитарные науки как науки о человеке, а социальные – как технологию преобразования мира [2, с.231].

Наблюдающийся *«конфликт интерпретаций»* между самоопределением профессиональной принадлежности истории как гуманитарного знания и ее общественным восприятием в качестве социальной практики усугубляется и стремительной потерей интеллектуалами (представителями гуманитарных и социальных наук) своих позиций в современном обществе. Однако, как показало проведенное Д.Р.Хапаевой исследование среди французских и венгерских интеллектуалов, речь, скорее всего, идет об исчезновении ампулы *«классического»* интеллектуала, традиционно

выступавшего от лица неспособных к самовыражению и защищающего незыблемые нравственные основы общества. В настоящее время, когда *«демократический строй предоставляет каждому возможность выступать в публичных дебатах и высказывать свое мнение как благодаря множеству ассоциаций и неформальных объединений, так и благодаря развитию средств массовой информации»*, отпала всякая необходимость в существовании интеллектуалов как привилегированной группы людей. Тем не менее, мир, находящийся в состоянии полной неуверенности и не имеющий никакого внятного проекта будущего, нуждается в наделении смыслом происходящего. И эту функцию, по мнению большинства интеллектуалов, способен выполнить только интеллектуал, становящийся социальным мыслителем [3, с.49, 52].

Его новым профессиональным прибежищем все чаще оказывается экспертная деятельность, в определении сущности и возможностей которой (прежде всего в социальной сфере) сохраняется немало неясностей. Именно с ней, несмотря на сложности достижения объективных (или хотя бы конвенциональных) оценок, интеллектуалами связывается упрочение своего положения в обществе и возрождение былой легитимности профессиональной деятельности: *«Поколебленная за последние двадцать лет вера в то, что социальные науки нужны современному обществу, находит себе опору в идеи о необходимости экспертизы по различным вопросам общественной жизни. В ней отражается нерешительное и противоречивое переосмысление социальных задач и роли гуманитарного знания в современном обществе»* [3, с.54].

А что же историки? Будучи интеллектуалами по своей сути, они также оказываются вовлеченными в процесс поиска нового и социально востребованного приложения своих усилий. По заключению Н.Е.Копосова, исследовавшего антропологические идеалы, вдохновляющие современного российского историка на работу, отечественная историография в различные периоды своего развития культивировала *«идеал члена сражающегося коллектива, который навязал историкам марксистский дискурс»*; затем образ *«аполитичного эксперта, которому соответствовала идеология профессионализма»*, сменившийся идеалом носителя культуры. На сегодняшний день вдохновляющим идеалом историка является образ *«частного лица, прекрасно сочетающегося с идейным конформизмом»* [4, с.192], который не мешает ему активно включаться в процесс освоения медийного пространства и выступать экспертом по довольно широкому кругу вопросов, не имеющих прямого отношения к его непосредственной

специальности. Он все отчетливее осознает, что история интересует нынешнее общество постольку, поскольку она касается актуальных проблем современности.

Историки перестроечного призыва развенчивали марксистский интеллектуальный и социальный проект, веря в высокую миссию освободителей страны от тяжелого и долгое время замалчиваемого прошлого. Они строили новый мир, разгребая авгиевы конюшни репрессивной машины советского тоталитаризма. Сегодняшнее поколение историков с таким же упорством борется с пороками современного государственного порядка или же отстаивает ниспровергнутые ранее *«бесспорные достижения эпохи социализма»*. Оно пишет разные учебники и исповедует разные общественно-политические идеалы. Поддерживает усилия официальной власти по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России и готово пожертвовать социальным благополучием во имя обретенной профессиональной свободы. При этом представления об этой ответственности и формах участия историка в жизни общества существенно разнятся. Размышляя о том, какая академическая история нужна современному российскому обществу, М.В.Пономарев отмечал, что, с одной стороны, она должна удовлетворять социально-консервативные потребности общества – формировать внутренне непротиворечивое сознание нации, основы национальной идентичности как системы общепризнанных мифов, эмоционально окрашенных стереотипов. С другой, – стимулировать историческую и ценностную рефлексию общества, постоянно обращаясь к вопросам о том, что происходит? куда мы идем? во имя чего? [5, с.530, 531]. Если же *«так называемый академический историк не принимает ни первую, ни вторую роль (мифотворца или рефлектирующего скептика) и замыкается в своей «теме», занимается «просто историей», то его профессиональная деятельность превращается в хобби. Он может быть интересен обществу, но, по большому счету, он бесполезен обществу»* [5, с.532].

Едва ли подавляющее большинство представителей академической науки согласится с тем, что прожитая и проживаемая в профессии жизнь оказалась лишь *«сбором коллекций для посвященных»*. Тем более что отмеченные роли *«рефлектирующего скептика»* и *«мифотворца»* с успехом выполняются социальными мыслителями от философии, социологии и культурологии, а знатоками в области прошлого становятся люди, не обремененные грузом профессиональных познаний.

Несмотря на осознаваемую сомнительность *«хождения во власть»* с целью предостережения ее от ошибок прошлого, активные поиски своего места в меняющемся нестабильном мире, для

подавляющего большинства отечественных историков занятие прошлым остается безусловной самодостаточной ценностью [3, с.55]. Многие из них все еще твердо верят в то, что в минувшей реальности можно отыскать один единственный правильный ответ на вопрос о том, как это было на самом деле, показав обществу, какие дороги не ведут к храму. Другая часть научного сообщества историков, более скептически оценивающая свои эпистемологические возможности, видит предназначение своей профессии в формировании национального самосознания российского общества и выработке дорожной карты прошлого, которая *«поможет современным государственным деятелям не наткнуться на ухабы застарелых этнических и национальных конфликтов и спокойно заниматься своими делами – «без фантазий»* [6, с.14]. Вместе с тем, сегодняшними интеллектуалами все более осознается тот факт, что *«научное знание, как и знание вообще, не является «реальностью». Оно – часть общества и его культуры и поэтому им и определяется, «конструируется»* [7, с.52]. В ситуации, когда историческая наука больше не может давать готовых результатов, а общество не в состоянии оценить полезности производимого ею продукта, есть все основания прислушаться к мысли классика о том, что *«она, скорее, ставит под вопрос наши представления о прошлом и, тем самым, предостерегает нас от завышенной оценки нынешней эпохи. Именно в этом заключается задача, которую историческая наука выполняет в «жизни»; и она должна выполнять ее, а не замыкаться в своей «башне из слоновой кости»* [8, с.356].

1. Социальные науки в постсоветской России. – М.: Академический проект, 2005. – 416 с.

2. *Копосов Н.Е.* Хватит убивать кошек! Критика социальных наук / Н.Е.Копосов. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 245 с.

3. *Хапаева Д.* Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий / Д. Хапаева. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 264 с.

4. *Копосов Н.Е.* Память старого режима: история и политика в России / Н.Е.Копосов. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с.

5. Интервью с Михаилом Викторовичем Пономаревым от 23 апреля 2009 г. // Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX-XXI вв. / Л.Р.Хут. – М.: Изд-во МПГУ, 2010. – 702 с.

6. Национальные истории на постсоветском пространстве – II. – М.: АИРО-XXI, 2009. – 372 с.

7. *Зарецкий Ю.П.* Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография / Ю.П.Зарецкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 384 с.

8. *Гуревич А.Я.* Медиевистика на распутье. О книге Х.-В.Гетца / А.Я.Гуревич // Одиссей. Человек в истории: 2004. – М., 2004. – С.352-361.